

БОЖЕСТВЕННЫЙ ПУТЬ ВНИЗ
И ТАЙНА СВЕРХНЕБЕСНОГО МЕСТА
В «ПЛАТОНОВСКОЙ ТЕОЛОГИИ» ПРОКЛА

В «Платоновской теологии» Прокл ставит перед собой двоякую задачу: во-первых, собрать и систематизировать все знания о высшем боге и божественном и таким образом создать особую науку — теологию; во-вторых, выстроить собственную иерархию «выхода за свои пределы» единого сущего. Первая задача понимается Проклом как синтез теологических истин Платона и теургов, наиболее «почтенными» из которых он признает пифагорейцев. В исполнении этой цели Прокл следует своему учителю Сириану, название утраченного произведения которого — «Созвучие Орфея, Пифагора, Платона и Халдейских оракулов».

Надо сказать, что Прокл не слишком-то последователен в своем стремлении создать теологическую науку, несмотря на поставленную цель. Ведь вряд ли назовешь подлинно научным выявление «созвучий», пусть даже их философский и филологический анализ и представляет собой серьезную задачу для современных исследователей. Сам же Прокл в полной мере отдается второй цели — созданию иерархии сверхсущего и сущего. И здесь его действительно ведет и вдохновляет «гений рассудочности» — нельзя не согласиться с А. Ф. Лосевым¹. Философская Муза Прокла побуждает его «воспевать»

---

* *Медведева Ольга Аркадьевна* — канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВИТУ (Военный инженерно-технический университет)

триадичность во всех выходах за свои пределы, поскольку именно триада воплощает в себе красоту порядка, ставшую явной. Сущность — жизнь — ум — таков порядок, свойственный любому божественному устройению на любой ступени иерархии. Сущность заключает в себе скрытое множество и силы, жизнь представляет собой разворачивание этих сил, скрытое становится явным; ум же вершит вечное возвращение к началу. Динамически порядок «выхода за свои пределы» можно выразить следующим образом: пребывание, исхождение, возвращение (божественный круг). Единое, или единый бог, находится выше иерархии сверхсущего и сущего. Единое определяется Проклом апофатически и катафатически. Катафатические суждения о высшем боге основаны на аналогии с нижестоящим и определяют его как цель стремления к нему всего сущего. Апофатические суждения изображают высшее начало как обособленное от всего, чему оно выступает началом. Таким образом, благо и единое — два имени высшего бога. Называя первое начало единым, мы указываем на то, что оно — начало множества; называя его благом, мы указываем на причину возвращения к нему — тоску по природе блага.

На самом же деле первое начало неизречно, непричастно всему, что ниже его, непознаваемо и ни в коей мере не двойственно. Непричастность его всему сущему выражается в том, что все пребывает, выходит за свои пределы и возвращается к единому. Единое в равной мере находится за пределами всех сущих, сущие же — не в равном положении по отношению к единому: одни ближе, другие дальше, но это их собственная инициатива. Единство их с единым так же неизречно и непознаваемо, как и само единое.

Однако, восходя к высшему началу, мы вынужде-

ны выражать неизреченность единого и единства словами, отсюда и происходит двойственность. Таким образом, выявляется проблема природы слова, разделяющего неразделимое. Прокл не останавливается на ней. Его трудно назвать систематизатором или исследователем. Несмотря на намерение придерживаться ясности и очевидности в изложении, о котором он заявляет в первой книге «Платоновской теологии», Проклу свойствен символический взгляд на выстраиваемую им иерархию, и аналогия как способ восхождения к высшему единому служит символическим отражением притягивающей и недостижимой благодати.

Обособленное и неизреченное единое предпосылает существу такое единое, которое является причинствующим для сущего. В этом едином заключена порождающая сила, направленная на сущее. Эта сила имеет промежуточное положение между порождающим и порождаемым. Единое, причинствующее для сущего, Прокл называет пределом, а его силу — беспредельным. Смешанное — самое первое из сущих. Оно возникает из предела и беспредельного в том смысле, что участвует в них как сверхсущих началах. Таким образом формируется ближайшее к единому божественное устройство, которое Прокл именует умопостижимым. Рассмотрение данного устройства триадически и в трех измерениях (глубина, ширина, высота) составляет суть Прокловой теории умопостижимых триад.

За умопостижимым следует умопостижимо-умное устройство, которое состоит из трех триад, затем — умное. Здесь разделение происходит уже не триадическим, а гебдомадным образом, поскольку по мере удаления от единого боги уступают по силе тем, кто стоит выше, зато превосходят их в разнообразии. Умопостижимые,

умопостигаемо-умные и умные боги олицетворяют собой ближайшее окружение сверхсущего единого, замыкая божественный круг. Нетрудно заметить, что именно эти устроения являются для Прокла наиболее важными в иерархии сверхсущего и сущего. Дальнейший божественный выход за свои пределы отличается большей сложностью: сверхкосмические боги разделяются на четыре триады начальствующих богов (отеческая, живородящая, возвышающая, стражническая) и двудециму свободных.

Особое место в иерархии сверхсущего и сущего занимают умопостигаемо-умные боги. Это устроение Прокл именует «срединным», поскольку оно располагается в середине божественного пути вниз, образуя как бы остановку в пути, привал. Умопостигаемо-умный божественный чин Прокл рассматривает в четвертой книге «Платоновской теологии». Стиль Прокла здесь отличается, с одной стороны, особой философской изощренностью, с другой, — предпочтением символической формы изложения. Именно здесь так важны пространственные характеристики божественного устроения. Учению же Платона о данном чине, излагаемому главным образом в диалоге «Федр», Прокл придает мистическое значение.

Особенностью «срединного» устроения является то, что его вершиной, т. е. монадой, служит жизнь. Жизнь, как было сказано выше, означает развертывание скрытых сил, переход от отеческого самодовления к материнской способности порождать иное. Это движение таинственно и незаметно, подобно переходу от одного времени суток к другому, и Прокл отнюдь не стремится сделать его совершенно явным для своих «слушателей» — видимо, из эстетических соображений.

Умопостигаемо-умное является серединой между умопостигаемым и умным. И если умопостигаемое представляет собой нерелефлируемое, нераздельное наличное бытие, то умопостигаемо-умное — само мышление о нем; ум же — рефлективность и развернутость. Для Прокла умопостигаемое, умопостигаемо-умное и умное — вовсе не вещи одного порядка. Жизнь называется умопостигаемо-умной потому, что она связывает имена крайних членов данной триады, обожествляется, освещаясь умопостигаемым светом, и обожествляет умные устройства. Иными словами, не единство мыслящего и мышления есть причина общего имени, а напротив, общее имя — причина того, что мыслимое, мышление и мыслящее рассматривается в одной связи. Важно то, что это имя не является собственным для умопостигаемо-умного чина. Таким образом, рассматриваемое в своей целостности, данное устройство выступает как генада, единичность, связь единого сущего и множества сущих.

В своем устройении умопостигаемо-умные боги, в отличие от умопостигаемых, обнаруживают большую раздельность, так как дальше отстоят от единого: в каждой своей триаде, а их три, они являют не одну, а три вершины. По той же закономерности умные боги уступают умопостигаемо-умным по силе, но обнаруживают в себе еще большую раздельность.

Каким образом осуществляется преемственность срединных божественных устройств от высших? Умопостигаемо-умные боги воспринимают действие умопостигаемых сил: дарующей сущности, измеряющей множественное и видообразующей все порождаемое; воспринимающая же, обнаруживает в себе собственные силы — животворящую, связующую все разделенное и управляющую фигурой, формой и совершенством. Эти силы направ-

лены на низшие устройства. В высшем своем состоянии умопостигаемо-умные боги уподобляются умопостигаемому, а в низшем — умным. Уподобление же совершается посредством общего имени. Все это свидетельствует о непрерывности связи божественных устройств, что для Прокла являлось самым важным в иерархии. Единая последовательность всего — причина «нерасторжимой сплоченности, общности, удивительной дружбы и совершаемого в строгом порядке принижения, как и превосходства» (IV, 2).

В характеристике каждой из трех триад умопостигаемо-умных богов Прокл обращается к Платону. Прежде всего его интересует миф о поднебесном своде, небе и сверхнебесном месте, изложенный Сократом в «Федре». Особой убедительностью для Прокла служит то, что Сократ, излагая мистическое знание, пребывает в состоянии божественной одержимости. В «Федре» говорится о том, что двенадцать вождей, возглавляемые Зевсом, ведут внутрикосмических богов и демонов ввысь — через поднебесный свод к самому небу и оттуда — к сверхнебесному месту, источнику пищи для богов (246 e — 248 c). Что это за небо, о котором ведется речь, и в каком чине сущего оно располагается? Это, разумеется, не чувственно воспринимаемое небо, ибо тогда совершенные боги стремились бы к менее совершенному. Прокл предупреждает, что нельзя понимать рассказ Сократа буквально, поскольку здесь мы имеем дело с символическим изложением мифа. Боги мыслят внутри этого неба, и мысли их — отнюдь не о здешних вещах, а об их причинах. Ведь боги познают вещи, не склоняясь к ним, но, мысля себя самих как причины, они мыслят и вещи (IV, 5). Следовательно, речь здесь ведется о мышлении умопостигаемого, которое никак не соотносится с

чувственно воспринимаемым небом. В «Кратиле» Платон сообщает об Уране, боге, мыслящем умопостигаемое: «Взгляд наверх есть Уран» (393 с). Урану и принадлежит царство, срединное между умопостигаемым и умным, непосредственное же его расположение — середина данного царства, небо, выше которого находится сверхнебесное место, а ниже — поднебесный свод.

Итак, умопостигаемо-умное устройство представлено триадой: сверхнебесное место, небо, поднебесный свод. Почему так важна пространственная характеристика этой триады? Потому что здесь рассматривается середина божественного пути вниз, множество, ставшее явленным и *зримым*. Боги, которых ведет Зевс, совершают восхождение к небесному хребту, где они созерцают умопостигаемое, вращаясь вместе с небом. Если мышление располагается между умом и умопостигаемым, то круговращение — это и есть мышление, посредством которого боги мыслят умопостигаемое.

Наиболее символичной в изложении представляется характеристика сверхнебесного места. Отчасти это создает впечатление таинственности, отчасти подтверждает мысль о том, что для Прокла необычайно важным было подчеркнуть красоту данного устройства. Сверхнебесное место является тем местом, где боги вкушают умопостигаемую пищу. Поднимаются же к нему боги через поднебесный свод и небесную сферу. Особенностью этой ступени божественной иерархии является то, что именно здесь располагаются три возвышающие причины, приводящие душу к божественному — любовь, истина, вера. Эти «мистические знаки умопостигаемого» предвосхищают умопостигаемый свет: любовь предвосхищает красоту, истина — божественную мудрость, а вера — благо. Именно здесь, в сверхнебесном месте, совер-

шается и посвящение в неизреченное таинство, и эпопея, видение истины — символ молчания и единства с умопостигаемым.

Следуя Платону («Федр», 247 с), Прокл называет сверхнебесное место подлинной сущностью, поскольку данный чин участвует в первой триаде умопостигаемого — едином сущем. И если первая триада умопостигаемого является отеческой, то первая триада умопостигаемого-умного является материнской по отношению к ней, так как возникла в качестве ее силы. Местом данный чин именуется по причине своей женоподобности: оно является «вместилищем отеческих причин». По той же логике Платон называет местом видов материю («Тимей», 50 d, 52 d), поскольку она принимает в себя смыслы, нисходящие от отеческой причины. Но если материя, мать и кормилица смыслов, только воспринимает виды, то сверхнебесное место, мать и кормилица богов, служит деятельным началом, вместе с отцом порождая последующее и сохраняя порожденное. Таким образом, сверхнебесное место именуется местом не только по причине своей женственности, но и как начало порождающее.

Катафатические определения сверхнебесного места — поле истины, луг, пища богов. Апофатические определения — бесцветность, непричастность фигуре, неосвязаемость. Апофатика в интерпретации афинского неоплатонизма означает не лишенность, а развертывание в последующем. Все качества, отрицаемые в применении к сверхнебесному месту, будут присущи последующим чинам. Будучи обособленным среди умного и непознаваемым для него, высший чин умопостигаемого предпосылает себя как монаду, умопостигаемый знак, подобный высшему, простому умопостигаемому.

Катафатические определения сверхнебесного места указывают на стремление к нему последующего, а также на причастность к нему низших чинов как дающему пищу — благодать. Поле истины в катафатической триаде символизирует открытость умопостижаемому свету, луг — порождающую силу жизни, причину иместилище разнообразных видов; пища богов — причину, наполняющую богов цветением и совершенством.

В выходе за свои пределы пища богов разделяется надвое: как амброзия и нектар. Из «Федра» Платона мы узнаем, что амброзия — твердая пища, а нектар — жидкая («Федр», 247 е). Прокл развивает мысль Платона в пифагорейском духе, рассматривая эти два вида пищи как предел и беспредельное. Амброзия как твердая пища соответствует пределу, поскольку является для богов, вкушающих ее, залогом устойчивого пребывания в лучшем; нектар же как пища жидкая соответствует беспредельному, так как служит причиной промысла о последующем. Благодаря амброзии и нектару боги одновременно и пребывают, и выходят за свои пределы, и такое их равновесие — не заслуга самих богов, а следствие того, что они располагаются в высшем, вкушая пищу и, следовательно, причащаясь пределу и беспредельному как генадам сущего. Источник же этих двух видов божественной пищи — пир, праздник, знаменующий раздельное распределение божественной благодати и возвращение всех богов к самим себе.

Итак, сверхнебесное место — таинственный знак, предпосылаемый низшим богам в середине божественного пути вниз, свидетельствующий о неизреченном единстве с умопостижимым; место праздника, отдыха и наслаждения умопостижимыми дарами посередине божественного пути вверх. В первом своем качестве данный

чин выступает как монада (то, что уподобляет), во втором — как генада (то, что связывает).

---

¹ Лосев А. Ф. Прокл — рассудочность, доведенная до музыки, до пафоса, до экстаза: Краткие сведения о Прокле // Прокл. Первоосновы теологии. М., 1993.

Т. А. Шужин*

ВИЗАНТИЙСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПЛАТОНИЗМА
В XI в. НА ПРИМЕРЕ ТРАКТАТА ИОАННА ИТАЛА
«ЧТО ТАКОЕ РОДЫ, ВИДЫ И БЕСТЕЛЕСНОЕ»

То, как читали платонические тексты в поздней Византии, важно и для истории собственно византийской философии, поскольку имена древних неоплатоников не раз упоминались и в догматико-полемических и в догматических текстах, и для истории самого платонизма, поскольку христианские мыслители в любом случае не могли воспринять языческие учения в чистом виде, но всегда привносили нечто свое. Здесь мы рассмотрим один текст XI в. — небольшое сочинение Иоанна Итала, ипата философов, обвиненного в ереси в 1082 г. Этот трактат был впервые частично опубликован Ф. И. Успенским в качестве приложения к «Синодику», но с довольно существенной лакуной в несколько строк. Потом он переиздавался и Иоанну и Н. Н. Кечакмадзе. Заметим, что, несмотря на то, что издание Н. Н. Кечакмадзе основано на существенно большем количестве рукописей, в нем встречаются

---

* Шужин Тимур Аркадьевич — бакалавр богословия, выпускник СПб Института Богословия и философии, tim_ibif@mail.ru